

Памяти доктора Алекса Жермена Гибера, мадам Алекс Жермен Гибер, венесуэльцам, моим соотечественникам, и тысячам друзей: французам, испанцам, швейцарцам, бельгийцам, итальянцам, югославам, немцам, англичанам, грекам, американцам, туркам, финнам, японцам, израильтянам, шведам, чехам и словакам, датчанам, аргентинцам, колумбийцам, бразильцам — и всем тем, кого я забыл упомянуть, всем тем, кто оказал мне честь, обратившись ко мне в письменной или устной форме с вопросами: «Кем вы были, Папийон? И что вы сделали после каторги для того, чтобы у нас в руках оказалась ваша книга?»

То, что ты сам о себе думаешь, гораздо важнее того, что думают о тебе другие.

Глава первая

ПЕРВЫЕ ШАГИ НА СВОБОДЕ

— Удачи вам, *Francés!*¹ С этой минуты вы свободны. *Adios!*²

Офицер каторжной колонии Эль-Дорадо помахал нам рукой на прощание и повернулся спиной.

Вот так запросто я сбросил с себя оковы, которые таскал целых тринадцать лет. Под руку с Пиколино мы сделали несколько шагов вверх по крутой тропинке, ведущей от берега реки, где мы только что расстались с офицером, к деревне Эль-Дорадо.

И вот сейчас, в тысяча девятьсот семьдесят первом году, а точнее, вечером восемнадцатого августа, в своем доме старинной испанской постройки, я с удивительной ясностью снова вижу себя на дороге, усыпанной галькой, и в ушах у меня не только звучит, как тогда, низкий и ясный голос офицера, но и сам я делаю то же самое движение, что и двадцать семь лет назад, — поворачиваю голову в его сторону.

Полночь. За окнами темно. Но только не для меня. Для меня одного сейчас десять утра и светит солнце, я смотрю на спину моего тюремщика и понимаю, что ничего прекраснее я в жизни не видел! Он удаляется от нас, и это означает конец неусыпному надзору, преследовавшему меня ежедневно, ежеминутно, ежесекундно в течение всех этих тринадцати лет.

Последний взгляд на реку и поверх головы тюремщика — на остров в центре реки, место

венесуэльской каторги; последний взгляд на ужасное прошлое, где меня топтали, унижали и смешивали с грязью целых тринадцать лет.

И тут же в белесой дымке тумана, поднимающегося над рекой от перегретой тропическим солнцем воды, передо мною, словно на экране, замелькали образы минувших лет. Но я не желал участвовать в просмотре этого фильма; подхватив Пиколино под руку, я повернулся к странному экрану спиной и сделал решительный шаг вперед, передергивая при этом плечами, словно стряхивая с себя налипшую за тринадцать лет грязь.

Свобода? Но где? На краю земли, в глубине плато Венесуэльской Гвианы, в деревушке, со всех сторон окруженной девственными тропическими лесами, пышность которых не поддается описанию. Это самая крайняя точка на юго-востоке Венесуэлы, рядом с бразильской границей. Огромный зеленый океан, тут и там прорезанный водопадами и змейками рек и речушек; обширный зеленый массив, с редкими вкраплениями небольших сельских общин с часовнями посередине, где живут по духу и букве законов, достойных библейских времен, где пастору нет надобности молиться о любви к ближнему и простоте общения между людьми, поскольку это так естественно для жителей этих мест; они всегда так жили и живут по сей день. Нередко эти *pueblitos*³ настолько разрознены между собой, настолько оторваны друг от друга, что появление в деревне залетного грузовика сразу же рождает вопрос: как ему

удалось добраться сюда? Образ жизни этих людей, их мысли и чувства, понятия о любви не меняются веками. Они словно вышли из буколики, и миазмы цивилизации нисколько их не коснулись.

Одолев крутой подъем, в конце которого, собственно, и начиналась деревня Эль-Дорадо, мы замедлили шаг и дальше продвигались очень медленно. Я слышал, как сзади тяжело дышит Пиколино. Я тоже пытался перевести дух: набирал полные легкие воздуха и выдыхал осторожно, не спеша, боясь прожить эти чудесные минуты — первые минуты свободы — слишком быстро.

Перед нами открылось широкое плато. Справа и слева маленькие опрятные домики утопали в цветах. Нас заметили ребяташки. Они знали, откуда мы идем. Без всякой враждебности, напротив — вежливо и учтиво, они приблизились к нам, обступили со всех сторон и молча зашагали рядом. Кажется, они понимали всю серьезность момента и относились к нему со всем уважением.

У первого же домика полная негритянка продавала кофе и *arepas*⁴. И лепешки, и кофе помещались на небольшом деревянном столе.

— Добрый день, мадам.

— *Buenos dias, hombres!*⁵

— Два кофе, пожалуйста.

— *Si, señores.*

И добродушная толстуха налила нам две чашки восхитительного кофе. За неимением стульев мы выпили его стоя.

— Сколько с меня?

— Нисколько.

— Это почему же?

— Для меня большое удовольствие угостить вас первой чашечкой кофе на свободе.

— Спасибо. Когда отправляется автобус?

— Сегодня праздник, и автобусы не ходят. Но в одиннадцать поедет грузовик.

— Вот как? Спасибо.

Из дома вышла молодая девушка — черноглазая смуглянка.

— Заходите, отдохните немного, — предложила она, мило улыбаясь.

Мы вошли и сели. В доме уже собралось человек десять. Они сидели и пили ром.

— Что с твоим приятелем? У него все время вываливается язык.

— Болен.

— И что, никак нельзя помочь?

— Нет, он парализован. Ему надо в больницу.

— Кто же его будет кормить?

— Я.

— Это твой брат?

— Нет, друг.

— У тебя есть деньги, *Francés*?

— Да, немного. А откуда ты знаешь, что я француз?

— Здесь новости разлетаются быстро. Мы еще со вчерашнего дня знаем, что ты должен освободиться. Знаем и то, что ты бежал с острова Дьявола и что

французская полиция хочет схватить тебя и вернуть на место. Но она здесь не распоряжается, да сюда ей и не добраться. Мы сами о тебе позаботимся.

— Почему?

— Да потому что...

— Что ты имеешь в виду?

— Выпей-ка рому да угости друга.

В разговор вступила женщина лет тридцати, почти черная. Поинтересовалась, женат ли я. Я ответил, что нет.

— Живы ли родители?

— Только отец.

— Он будет рад, когда узнает, что ты в Венесуэле.

— Да, конечно.

Следующим слово взял белый, долговязый и тощий. У него были большие, навывкате глаза, но взгляд светился добротой.

— Мой родственник не сумел объяснить, почему мы о тебе позаботимся. Теперь я попробую. Если человек не обозлился — а тут уж ничего не поделаешь, — то он может раскаяться и, если ему помогут, стать добрым человеком. Вот почему в Венесуэле о тебе позаботятся: мы любим людей и с Божьей помощью верим в них.

— А как ты думаешь, за что меня держали на острове Дьявола?

— Наверняка за что-нибудь серьезное! За убийство или, может, за крупное ограбление. Сколько дали?

— Пожизненную каторгу.

— Здесь самое большое дают тридцать лет. Ты

сколько отбарабанил?

— Тринадцать. Но теперь я на свободе.

— Забудь обо всем, *hombre*. И чем скорее, тем лучше. Свои страдания во французских тюрьмах, здесь, в Эль-Дорадо, — все забудь. Иначе злые мысли могут вызвать в тебе неприязнь и даже ненависть к людям. Только если забудешь прошлое, ты снова сможешь полюбить людей и жить среди них. Поскорее женись. У наших женщин горячая кровь; та, которую ты выберешь, поможет тебе обрести счастье в семье и детях, и ты забудешь все свои прошлые страдания.

Пришел грузовик. Поблагодарив этих добрых, отзывчивых людей, я вышел из дома, поддерживая Пиколино под руку. Десяток пассажиров уже разместились в кузове. При нашем появлении они уступили нам самые лучшие места, поближе к кабине.

Машина словно угорелая неслась по скверной дороге, подскакивая на выбоинах и ухабах, а я тем временем предавался размышлениям об этих странных венесуэльцах. Ведь никто из них — ни рыбаки с залива Пария, ни простые солдаты из Эль-Дорадо, ни эти скромные люди, с которыми мне только что пришлось разговаривать в домике под соломенной крышей, — не имел образования. Они едва умели читать и писать. Почему в таком случае у них так развито чувство христианского милосердия, так ярко выражено благородство души, готовой простить однажды оступившегося? Откуда берут они нужные и ненавязчивые слова, чтобы ободрить бывшего узника? Откуда такая готовность прийти на

помощь советом и всем тем малым, чем они располагают? И почему тюремные власти Эль-Дорадо, старшие и младшие офицеры, высокое начальство, люди, несомненно, образованные, разделяют те же идеи, что и простой народ? Они тоже за то, чтобы дать шанс заблудшему человеку, невзирая на его личность и характер преступления. Эти качества не могли быть заимствованы у европейцев. Значит, они пришли к ним от индейцев. Во всяком случае, перед венесуэльцами ты можешь снять шляпу, Папийон.

Наконец мы прибыли в Кальяо. На большой площади звучала музыка. Пятое июля в Венесуэле — национальный праздник. Публика была разодета во все пестрое — весьма характерная черта для тропических стран. Смешение всех цветов и оттенков: белый, желтый, черный и медно-красный. Медно-красный — это индейцы, их всегда отличишь по слегка раскосым глазам и блеску кожи. Мы с Пиколино слезли с грузовика вместе с несколькими пассажирами. Среди них была молодая девушка. Она подошла ко мне и сказала, что платить не нужно, она обо всем позаботилась.

Шофер пожелал нам удачи, и машина тронулась с места. В одной руке я держал небольшой узелок, другой сжимал левую руку Пиколино, на которой осталось всего три пальца. Я раздумывал, что же нам делать дальше. В моем распоряжении было немного английских фунтов из Вест-Индии да несколько сотен боливаров — подарок моих учеников за уроки математики в Эль-Дорадо. Вдобавок ко всему имелось

еще несколько необработанных алмазов, найденных в огороде под томатами.

Та девушка, которая заплатила за наш проезд, спросила, куда мы направляемся.

— Хотелось бы найти недорогой пансион, — ответил я, — где можно было бы остановиться.

— Идемте сначала ко мне, а там видно будет.

Мы последовали за ней, пересекли площадь и, пройдя метров двести, оказались на немощеной улице, вдоль которой тянулись низкие глинобитные домики, крытые соломой, толем и оцинкованным железом. Перед одним из них мы и остановились.

— Входите, почувствуйте себя как дома, — пригласила девушка, пропуская нас вперед. На вид ей было лет восемнадцать.

Мы попали в большую чистую комнату с утрамбованным земляным полом, круглым столом и несколькими стульями. На одном из них сидел мужчина лет сорока, с гладкими черными волосами, среднего роста. Цвет кожи у него был тот же, что и у дочери, — светло-кирпичный, индейские глаза. В доме жили еще три девочки, на вид четырнадцати, пятнадцати и шестнадцати лет.

— Мой отец и мои сестры. А это наши гости. Они освободились из тюрьмы Эль-Дорадо, и им некуда идти. Прошу великодушно их принять.

— Добро пожаловать, — приветствовал нас отец и повторил священную заповедь гостеприимства: — Чувствуйте себя как дома. Садитесь за стол. Проголодались? Может быть, кофе или рому?

Я не хотел обижать его отказом и согласился выпить кофе. В доме было очень чисто, но, судя по скудной мебелировке, жили здесь бедно.

— Вас привела сюда моя дочь Мария. Она старшая в семье и заменяет нам мать, которая бросила нас и убежала со старателем пять лет назад. Лучше я сам вам сразу обо всем расскажу, чем вы услышите от других.

Мария подала нам кофе. Теперь я мог рассмотреть ее повнимательнее — она села рядом с отцом, как раз напротив меня. Сестры стояли у нее за спиной и в свою очередь наблюдали за мной. Мария — настоящее дитя тропиков: большие черные миндалевидные глаза, черные как смоль вьющиеся волосы с пробором посередине ниспадают на плечи. У нее тонкие черты лица: в медно-красном цвете кожи хоть и угадывается примесь крови индейцев, но в облике ее нет ни единой черточки, характерной для монгольской расы. Чувственный рот. Великолепные зубы. Время от времени между ними показывается кончик розового языка. Белый, вышитый цветами корсаж с широким вырезом едва прикрывает плечи и верх груди, которую прозрачная ткань не скрывает от взора. Этот корсаж, короткая черная юбка и туфельки на низком каблучке — самый лучший наряд, какой она может себе позволить по случаю праздника. Губы у нее ярко-алые, а глаза умело подведены карандашом, отчего кажутся еще огромнее.

— Это Эсмеральда⁶, — представила она самую младшую из сестер, — имя как раз подходит к ее

зеленым глазам. Это Кончита, а это Росита, что значит роза. Цвет лица у нее светлее, чем у нас, она очень застенчивая и часто краснеет без всякого повода. Вот вы и познакомились с нашей семьей. Отца зовут Хосе. Нас пятеро, но все мы единое целое, потому что наши сердца всегда бьются в одном ритме. А как вас зовут?

— Энрике (так по-испански звучит Анри).

— Вы долго были в тюрьме?

— Тринадцать лет.

— Бедняга, как вы, должно быть, страдали!

— Да, пришлось.

— Папа, чем бы Энрике мог здесь заняться?

— Не знаю. У вас есть специальность?

— Нет.

— Тогда лучше идти на золотые прииски. Там вам дадут работу.

— А чем занимаетесь вы, Хосе?

— Я? Ничем. Я не работаю — очень мало платят.

Вот это номер! Они бедны, это так, но чисто одеты. Однако не могу же я спросить его, на что он живет, если не работает. Ворует?.. Посмотрим.

— Сегодня ночью вы будете спать здесь, Энрике, — распорядилась Мария. — Вот комната, где спал брат моего отца, но он уехал, и вы можете занять его место. А за больным мы присмотрим, пока вы будете на работе. И не надо нас благодарить — пока не за что: ведь комната все равно пустует.

Я не знал, что сказать. Позволил им взять свой узелок. Мария встала и направилась к двери, сестры последовали за ней. Мария слукавила: комнатой

пользовались — из нее стали выносить женские вещи. Я сделал вид, что ничего не замечаю. Кровати в комнате не было. Как водится в тропиках, ее заменяли два прекрасных шерстяных гамака, а это еще лучше. Большое окно без стекол, только со ставнями, выходило в сад, полный банановых деревьев.

Устраиваясь поудобнее в гамаке, я едва соображал, что происходит. Первый день свободы! Как все просто! Проще не придумаешь! В нашем распоряжении была комната, за Пиколино ухаживали четыре молоденькие очаровательные девушки. Но почему я позволял обращаться с собой как с ребенком? Почему? Да, я находился на краю света, но главная причина заключалась в том, что я слишком долго скитался по тюрьмам и привык только повиноваться. Но сейчас-то, на свободе, пора бы и самому принимать решения, а я все еще позволяю собой распоряжаться. Точь-в-точь как птица в клетке: дверца открыта, а летать не умею. Надо учиться снова.

Я заснул, стараясь не думать о прошлом, как советовал мне тот старик из Эль-Дорадо. Мелькнула только одна мысль: гостеприимство этих людей одновременно и восхищает и озадачивает.

Я только что позавтракал. Съел два вареных яйца, два жареных банана с маргарином и хлеб. Мария в комнате мывала Пиколино. Неожиданно в дверях возник человек с мачете на поясе.

— *Gentes de paz!*⁷ — поприветствовал он нас, давая понять, что он друг.

— Чего тебе? — спросил Хосе, завтракавший со

мной.

— Начальник полиции хочет видеть людей из Кайенны.

— Не называй их так, называй по имени.

— Хорошо, Хосе. А как их зовут?

— Энрике и Пиколино.

— Сеньор Энрике, пройдемте со мной. Я полицейский. Меня послал начальник.

— Чего они хотят от него? — спросила Мария, выходя из комнаты. — Я пойду с ним. Подождите меня, я сейчас оденусь.

Через несколько минут Мария была готова. Как только мы вышли на улицу, она взяла меня под руку. Я удивленно смотрел на нее, а она мне улыбалась. Вскоре мы подошли к небольшому зданию префектуры. Все полицейские были в гражданской одежде, кроме двоих, в форме и с мачете на поясе. Все помещение было уставлено винтовками. Чернокожий полицейский в фуражке с золотым галуном обратился ко мне:

— Это вы француз?

— Да.

— А другой?

— Он болен, — пояснила Мария.

— Я начальник полиции и в случае необходимости готов оказать вам помощь. Меня зовут Альфонсо. — С этими словами он протянул мне руку.

— Спасибо. Меня зовут Энрике.

— Энрике, тебя хочет видеть глава администрации. Мария, тебе туда нельзя, — добавил

он, увидев, что она собирается следовать за мной.

Я прошел в другую комнату.

— Добрый день, француз. Я глава администрации. Садись. Так как ты на вынужденном поселении здесь, в Кальяо, я пригласил тебя, чтобы поближе познакомиться, поскольку несу за тебя полную ответственность.

Он расспросил, чем я собираюсь заняться, где буду работать. После короткой беседы добавил:

— Заглядывай ко мне без всякого стеснения. Я постараюсь помочь тебе наладить скромную жизнь.

— Благодарю вас.

— Ах да! Тут вот какое дело. Должен тебя предупредить: ты живешь у честных и порядочных девушек, но их отец, Хосе, пират. До свидания.

Мария ждала меня на улице, у дверей комиссариата. Ждала, как ждут все индейцы, словно изваяние из камня, не двигаясь и не вступая ни с кем в разговор. Она не была чистокровной индианкой, но даже небольшая примесь индейской крови давала о себе знать. Мария взяла меня под руку, и мы направились домой, но уже другой дорогой.

— Что хотел от тебя начальник? — спросила Мария, впервые обратившись ко мне на «ты».

— Да ничего. Сказал, что может мне помочь устроиться на работу и окажет содействие, если я попаду в какую-нибудь неприятную историю.

— Энрике, теперь тебе никто не нужен. Ни тебе, ни твоему другу.

— Спасибо, Мария.

По дороге нам встретился уличный торговец женскими безделушками. На лотке у него чего только не было: ожерелья, браслеты, сережки, брошки и прочее.

— Ну-ка, посмотри сюда.

— Да, красиво.

Я подвел ее к лоточнику и выбрал самые красивые бусы и подходящие сережки. Затем взял три пары сережек поскромнее — для сестер. За все эти побрякушки я отдал тридцать боливаров, расплатившись сотенной банкнотой. Мария тут же надела бусы и сережки. Большущие черные глаза так и искрились радостью и благодарностью, как будто я купил ей настоящие драгоценности.

Вернулись домой. При виде подарков сестры завизжали от восторга. Я оставил их за этим занятием и ушел в свою комнату. Следовало хорошенько все обдумать. Эта семья предложила мне кров и оказала редкое по щедрости гостеприимство. Но стоило ли мне принимать все это? У меня было немного венесуэльских денег и долларов Вест-Индии, не говоря уже об алмазах. Месяца четыре можно прожить без всяких забот, даже обеспечив уход за Пиколино.

К тому же девушки были красивы, как цветы тропиков, темпераментны, сексуальны. Они были готовы запросто отдаться, ни на что не рассчитывая и ни о чем не задумываясь. Сегодня, я заметил, Мария смотрела на меня почти влюбленными глазами. Смогу ли я противостоять подобному искушению? Нет! Лучше оставить этот гостеприимный дом. Не хотелось

бы из-за минутной слабости причинять им беспокойство и страдания. Кроме того, мне уже тридцать семь, скоро стукнет тридцать восемь. Правда, выгляжу я моложе своих лет, но ведь возраст не скроешь и лет себе не убавишь. Марии даже нет восемнадцати, а сестры и того моложе. Да, надо расстаться с этой радушной семьей, уехать. А вот Пиколино можно оставить. За ним тут присмотрят. За уход и за пансион я, разумеется, заплачу.

— Сеньор Хосе, хотелось бы поговорить с вами наедине. Не откажите в любезности пропустить со мной стаканчик-другой в кафе на площади.

— С удовольствием. Но не называй меня сеньором. Зови просто Хосе, а я буду звать тебя Энрике. Идем. Мария! Мы ненадолго сходим на площадь.

— Переоденьте рубашку, Энрике! — крикнула мне Мария. — Та, что на вас, уже сомнительной свежести.

Я пошел в комнату сменить рубашку. Перед тем как нам уйти, девушка добавила:

— Не задерживайтесь долго, Энрике. И особенно много не пейте!

И прежде чем я успел уклониться, она звонко чмокнула меня в щеку.

Отец рассмеялся:

— А Мария-то уже в тебя влюбилась!

Мы направились к бару, и по дороге я начал разговор:

— Хосе, вы и ваша семья приютили меня в мой первый день свободы, за что я вам бесконечно

благодарен. Мы с вами примерно одного возраста, и мне не хотелось бы отплатить вам за гостеприимство черной неблагодарностью. Вы сможете меня понять, как мужчина мужчине: живя в окружении ваших дочерей, трудно будет не влюбиться в одну из них. А ведь я в два раза старше вашей первой дочери. К тому же во Франции у меня есть законная жена. Мы сейчас выпьем с вами по стаканчику, а затем вы покажете мне, где можно снять недорогой пансион. Заплатить есть чем.

— Француз, ты настоящий мужчина, — ответил Хосе, глядя мне прямо в глаза. — Дай я пожму твою руку, крепко, по-братски. За то, что не погнушался поговорить со мной, бедным человеком, искренне и по душам. Видишь ли, здесь, возможно, все не так, как в твоей стране. Почти никто тут не женится законно. Понравились друг другу, слюбились, родился ребенок, завели хозяйство. Легко сходятся, легко расходятся. В нашей стране очень жаркий климат, а у женщин слишком горячая кровь. Что поделаешь? Женщины жаждут любви, чувственных наслаждений. Они рано созревают. Мария — исключение, у нее еще не было ни одного романа, хотя ей уже восемнадцать. Думаю, что в твоей стране дела с моралью обстоят лучше, чем здесь. У наших женщин полно незаконнорожденных детей, что само по себе проблема, и тяжкая. Но, опять-таки, что делать? Сам Господь милостивый дал нам завет любить друг друга и иметь детей! В поступках наших женщин нет скрытых помыслов. Отдаваясь мужчине, они не ищут положения в обществе. Они

хотят любить и быть любимыми. Естественно и просто. И больше ничего. Они остаются верными до тех пор, пока ты их удовлетворяешь в сексе. Если это прошло — тогда другое дело. Зато они примерные матери и готовы пожертвовать всем ради своих детей, даже когда дети вырастают и начинают работать. Я понимаю, тебе трудно сдержаться, испытывая постоянное искушение. Но все-таки еще раз прошу тебя: останься в нашем доме. Я очень рад, что в моем доме живет такой мужчина, как ты.

Тем временем мы вошли в бар. Я так и не успел ему ответить или возразить. В баре, одновременно служившем бакалейной лавкой, насчитывалось около десятка посетителей. Мы заказали коктейль «Куба либре» — ром с колой. Несколько человек подошли к нам, чтобы пожать мне руку и произнести традиционное «добро пожаловать в нашу деревню». И каждый раз Хосе представлял меня своим другом, живущим у него в доме. Выпили изрядно, но, когда я поинтересовался, сколько мы должны, Хосе почти рассердился и выразил желание расплатиться за все. В конце концов мне удалось убедить хозяина взять деньги с меня.

Тут кто-то тронул меня за плечо: Мария.

— Пойдем домой, уже пора обедать. Больше не пей. Ты же обещал мне много не пить.

Ага, значит, перешла на «ты».

Хосе был занят разговором с соседом. Ничего ему не говоря, она взяла меня под руку и потянула к выходу.

— А отец?

— Оставь его. Разве можно с ним говорить, когда он пьет! Да я никогда и не разыскиваю его в кафе. Все равно не послушается.

— Тогда почему ты пришла за мной?

— Ты — другое дело. Энрике, ну пожалуйста, прошу тебя, пойдем со мной.

Взгляд ее был настолько светел и чист, а просьба высказана с таким обезоруживающим простодушием, что я безропотно последовал за ней.

— Ты заслуживаешь поцелуя, — объявила она уже у самого дома. И тут же притронулась губами к моей щеке, почти касаясь рта.

Когда Хосе вернулся, мы уже успели отобедать, расположившись за круглым столом. Пиколино с помощью самой младшей из сестер, кормившей его с ложечки, тоже принял участие в общей трапезе.

Хосе пришлось сесть за стол в гордом одиночестве. Он порядком нагрузился и поэтому понес еще с порога:

— Доченьки вы мои! Энрике-то вас боится. Так боится, что хочет уйти из нашего дома. А я ему говорю, чтобы оставался. А дочери мои, говорю, достаточно взрослые и сами разберутся, что можно, а чего нельзя.

Мария уставилась на меня широко раскрытыми глазами: в них читалось удивление и разочарование.

— Папа, если он хочет уйти, пусть уходит! Но я не думаю, что у других ему будет лучше, чем у нас, где его все любят. — И, обернувшись ко мне, добавила: —

Энрике, не будь *cobarde*⁸. Если какая-то из нас тебе нравится, а ты — ей, то почему надо бежать?

— Да потому, что у него жена во Франции, — вмешался отец.

— Сколько лет ты не виделся с женой?

— Тринадцать.

— Да, у нас тут все иначе. У нас любят не для того, чтобы заставить на себе жениться. Если женщина отдается мужчине, так только для того, чтобы его любить, и ни за чем больше. То, что ты женат и сказал об этом отцу, — очень хорошо: значит, ни одной из нас ты не можешь обещать ничего, кроме любви.

И она попросила меня остаться, не обременяя себя никакими обязательствами. Они все будут заботиться о Пиколино. Мои руки будут развязаны, и я смогу работать. А чтобы я не чувствовал себя неловко, она даже согласна принять от меня небольшую сумму в уплату за проживание. Может, рискнуть?

На раздумье времени не было. После тринадцати лет каторги все казалось так ново и неожиданно.

— Согласен, Мария. Пусть так и будет.

— Хочешь, я пойду с тобой на золотой рудник? Там можно поискать работу. Пойдем сегодня вечером, часов в пять, когда солнце уже сядет и станет прохладнее. От деревни до рудника три километра.

— Согласен.

Пиколино жестами и мимикой выразил радость по поводу того, что мы остаемся. Он был совершенно сражен тем вниманием и заботой, которыми окружили его девушки. Если я и согласился, то в первую очередь

ради него. Конечно, рано или поздно я обязательно вляпаюсь здесь в какую-нибудь историю. А это как раз то, чего бы мне не хотелось.

Мысль, мучившая меня эти тринадцать лет и не дававшая покоя все это время, никак не укладывалась в обычное стремление побыстрее осесть в небольшой деревушке на краю земли ради красивых девичьих глаз. Нет, меня ждет дальняя дорога, и остановки должны быть как можно короче. Только чтобы перевести дух. И полный вперед! Тринадцать лет я боролся за свободу, и вот наконец она у меня в руках. Спрашивается, зачем? На это есть особая причина — месть. Прокурор, лжесвидетель, фараоны — у меня с ними свои счеты! И я не должен об этом забывать. Никогда!

Я вышел прогуляться и незаметно оказался на площади. Увидел магазинчик с вывеской «Проспери». Хозяин, должно быть, корсиканец или итальянец. Так и есть, магазин принадлежал выходцу с Корсики. Мсье Проспери превосходно говорил по-французски. Он любезно предложил мне написать рекомендательное письмо директору французской компании «Ла Мокупия», разрабатывающей золотой рудник в Каратале. Этот замечательный человек также вызвался помочь мне деньгами. Я поблагодарил его за все и вышел на улицу.

— Папийон, что ты здесь делаешь? Откуда ты, чертяка, свалился? С луны? На парашюте? Дай-ка я тебя обниму.

Высокий загорелый детина в огромной

соломенной шляпе спрыгнул с маленького ослика.

— Не узнаешь? — И он снял шляпу.

— Большой Шарло! Вот это номер!

Это был не кто иной, как Большой Шарло. Взлом сейфов в кинотеатре «Гомон» на площади Клиши и вокзале Батиньоль в Париже — его рук дело! Мы обнялись как братья. Расчувствовались, на глаза навернулись слезы, но мы всё смотрели и смотрели друг на друга.

— Да, дружище, далековато занесло тебя от площади Бланш и каторги! Что, разве не так? Да откуда ты взялся, черт тебя побери? Одет как английский лорд и постарел даже меньше, чем я.

— Я вышел из Эль-Дорадо.

— И долго там сидел?

— Больше года.

— Что же ты раньше не дал мне знать? Я бы взял тебя на поруки, сделал бы соответствующую бумагу, и тебя бы сразу выпустили. Боже мой! Я слышал, что в Эль-Дорадо сидит кто-то из наших, но даже представить себе не мог, что там ты, дружище!

— Просто чудо, что мы встретились!

— Представь себе, Папи! Вся Венесуэльская Гвиана от Сьюдад-Боливара до Кальяо запружена беглыми каторжниками и ссыльными. А это от залива Пария первая земля Венесуэлы на пути беглецов. Немудрено с кем-нибудь да встретиться, поскольку все они без исключения проходят здесь. Разумеется, кроме тех, кто загнулся в дороге. Где остановился?

— У доброго человека по имени Хосе. У него

четыре дочери.

— Знаю. Твой добрый человек — пират. Идем заберем твое барахло. Будешь жить у меня, а как же иначе?

— Я не один. Со мной приятель, он парализован, и я за него отвечаю.

— Какие могут быть разговоры! Сейчас и для него найдем осла. Дом большой, а *negrita*⁹ будет ходить за ним как мать.

Нашли второго осла и поехали к моим девчонкам. Боже, наш отъезд из дома этих добрых людей превратился в настоящую драму! И только после того, как мы пообещали их навещать и сказали, что и они могут приходить к нам в гости, девушки немного успокоились. Я никогда не устану рассказывать о необыкновенном гостеприимстве жителей Венесуэльской Гвианы. Мне было стыдно их покидать.

Спустя два часа мы прибыли в «зámок» Шарло. Так он называл свое жилище. Большой дом, просторный и светлый, стоял на холме, возвышавшемся над долиной, которая тянулась от деревушки Караталь до самого Кальяо. Справа на фоне чудесной панорамы девственного леса виднелся золотой прииск «Ла Мокупия». Дом Шарло был срублен из твердопородного кругляка. Он состоял из трех комнат, прекрасной столовой и кухни. Два душа внутри и один снаружи — в огороде, ухоженном на славу. Все овощи для стола шли с огорода, и росли они превосходно. Во дворе жили пять сотен кур, кролики, морские свинки,

поросенок и две козы. Все это теперь составляло богатство и настоящую радость Шарло, бывшего каторжника, специалиста по сейфам и четко спланированным кражам!

— Ну, Папи, тебе нравится мой шалаш? Вот уже семь лет, как я здесь. Я тебе говорил в Кальяо: здесь мы далеко и от Монмартра, и от каторги. Кто бы мог подумать, что настанет день, когда я буду радоваться этой тихой и мирной жизни? Что скажешь, приятель?

— Не знаю, Шарло. Я только что освободился и не имею на сей счет ясного представления. Ведь мы с тобой оба авантюристы и в молодости здорово почудили, это правда! И все же... меня немного удивляет, что ты счастлив и обрел покой здесь, в глухой деревушке. Впрочем, ты все сделал сам, своими руками. Думаю, тебе это стоило большого труда и немалых затрат. Видишь ли, я на такое не способен.

Уже в столовой за пуншем по-мартиникански Большой Шарло продолжил разговор:

— Да, Папийон, я тебя понимаю, тут есть чему подивиться. Ты сразу заметил, что я живу своим трудом. Восемнадцать боливаров в день — заработок скромный. Но у меня свое хозяйство. Глядишь, курочка вывела цыплят. Крольчиха окролилась. Коза принесла козлят. Помидоры уродились. В прошлом мы с тобой презирали многое, что сейчас приносит мне удовольствие. А вот и моя негрityночка! — Он повернулся к чернокожей девушке. — Кончита! Это мой друг Энрике, или Папийон. Дружили еще во

Франции. Старый друг.

— Добро пожаловать в наш дом, — отозвалась молодая негритянка. — Не беспокойся, Шарло, я позабочусь о твоих друзьях. Ты будешь доволен. Пойду приготовлю для них комнату.

Шарло рассказал мне о своем побеге. Все сложилось просто и без приключений. На каторге в Сен-Лоран-дю-Марони он долго не задержался. Бежал оттуда через шесть месяцев с напарником-корсиканцем по имени Симон и еще одним ссыльным.

— Нам повезло, мы попали в Венесуэлу через несколько месяцев после смерти диктатора Гомеса¹⁰. Местные жители помогли нам освоиться и начать новую жизнь. На принудительном поселении тянул в Кальяо два года, да так здесь и остался. Видишь ли, мало-помалу эта простая жизнь меня покорила. Потерял первую жену: умерла при родах. Дочка тоже не выжила. А Кончита, негритянка, которую ты только что видел, отнеслась ко мне с пониманием. Я утешился ее любовью, искренним сочувствием ко мне и обрел счастье. А как ты, Папи? Должно быть, хватил лиха. Тринадцать лет — большой срок. Расскажи.

Я рассказывал больше двух часов, выкладывая своему старому другу все, что накопилось на сердце за все эти годы. Вечер прошел чудесно, мы вдоволь наговорились, предаваясь воспоминаниям. Но странное дело: ни слова о Монмартре, ни полслова о преступном мире, о делах — наших удачах и провалах — мы даже не заикнулись. О дружках, до сих пор разгуливающих на свободе, вообще ни разу не

вспомнили. Как будто жизнь для нас началась с погрузки на конвойное судно «Мартиньер»: для меня в тысяча девятьсот тридцать третьем году, для него — в тридцать пятом.

Превосходный салат, жареный цыпленок, сыр из козьего молока, плоды манго под чудесное кьянти — все это подавалось на стол веселой Кончитой, к вящему удовольствию Шарло. Было видно, что он счастлив принимать меня в своем доме. Расчувствовавшись, он предложил пойти в деревню и пропустить там по стаканчику.

— Мы и здесь хорошо сидим, — ответил я, — зачем нам еще куда-то идти?

— Спасибо, друг, — согласился корсиканец, нажимая на парижский акцент. — Действительно, здесь хорошо. Кончита, неплохо бы подыскать невесту для моего друга.

— Я вас представлю своим подругам, Энрике: они гораздо красивее меня.

— Ты самая красивая! — возразил Шарло.

— Да, но я черная.

— Потому ты такая красивая, моя Кончита! В тебе течет чистая кровь твоей расы.

Огромные глаза Кончиты так и сверкали огнем радости и любви. Чувствовалось, что она просто готова молиться на Шарло.

Растянувшись на широкой кровати, я слушал новости Би-би-си из Лондона. Как-то непривычно снова окунаешься в события, которыми живет мир. Отвыкаешь за столько-то лет! Я повернул ручку

настройки приемника, и оттуда полилась музыка стран Карибского бассейна. В эфире Каракас — на позывные и трансляцию больших городов переключаться не хотелось. Быстро выключив приемник, я погрузился в размышления о только что пережитых часах и минутах.

Умышленно ли мы не касались лет, прожитых нами в Париже? Нет. Намеренно ли не вспоминали о нашем близком окружении, которому повезло избежать нашей участи? Опять же нет. Так что же, выходит, для крутых ребят все, что было до суда, не имеет уже никакого значения?

От жары я все время ворочался на широкой кровати. Не выдержав, я встал и вышел в сад. Сел на большой камень и стал смотреть вниз на долину и золотой рудник. Там внизу все светилось электрическими огнями: туда-сюда сновали порожние и груженые породой тележки.

Золото добывают из недр земли и обращают в слитки или звонкую монету. Если у вас его много, значит у вас есть все. Золото — двигатель мира. Добыча его обходится дешево, поскольку рабочим платят очень мало; но, чтобы хорошо жить, оно совершенно необходимо. А Шарло, в прошлом потерявший свободу именно из-за желания иметь как можно больше золота, сейчас даже не вспоминает о нем. Он и не заикнулся, богат ли прииск, или его запасы истощились. В настоящем он связывает свое счастье с негритянской, домом, домашним хозяйством, огородом. О деньгах ни слова. Помудрел. А я

пребывал в недоумении и замешательстве.

Шарло сцапала полиция по наводке одного парня по прозвищу Малыш Луи. Помнится, еще в тюрьме Санте Шарло клялся мне, что разорвет негодяя на кусочки при первом удобном случае. И вот сегодня вечером об этом ни гугу. А я, к примеру, — просто поразительно! — не заводил разговор ни о фараонах, ни о лжесвидетеле, ни о прокуроре. А ведь надо было о них поговорить, ей-богу! Не для того я столько раз бежал, чтобы стать полусадовником-полурабочим!

Согласен, я обещал себе соблюдать законы этой страны и сдержу свое слово! Но я ни в коей мере не отказывался от мести. И учти, Папи, не следует забывать о том, что идея мести не только поддерживала тебя все эти тринадцать лет, проведенных в застенках, но и была единственной твоей религией. Только благодаря ей ты сегодня на свободе, и от своей религии нельзя отступаться.

Черная малышка Шарло хороша, спору нет, но неужели он действительно предпочитает захолустную дыру у черта на рогах большому городу?! Или это я такой болван, что не могу понять простой истины: жизнь моего друга Шарло может иметь свои прелести? Или он боится ответственности, которую неумолимо налагает на человека современная городская жизнь? Есть над чем подумать, Папи.

Шарло сорок пять, для мужчины это еще не возраст. Высокий, сильный, крепко сбитый крестьянин с Корсики, выросший на вольных хлебах и здоровой пище. А солнце Венесуэлы не поскупилось

на загар. И когда он надевает большую соломенную шляпу с загнутыми вверх краями, то выглядит даже очень и очень внушительно. Это тип первопроходца, открывателя здешних девственных земель. Он настолько ассимилировался с местными жителями, вписался в пейзаж, что выделить его из этой среды почти невозможно. Он практически стал ее частью.

Вот уже семь лет, как он здесь, но не постарел еще старый медвежатник с Монмартра! Больше двух лет, пожалуй, ушло на расчистку участка плато и постройку дома. И еще надо было выбрать деревья в лесу, срубить, привезти, окорить, обтесать, подогнать. А ведь каждое бревно из древесины твердых пород. Бревна тяжелые-претяжелые. Недаром дерево называют железным. Все деньги, заработанные на прииске, наверняка ухлопаны на строительство дома. Без помощников было не обойтись, а им тоже надо платить. А еще стоимость цемента (дом заделан в бетон), колодца, ветряка для закачки воды в бак. Эта молодая пухленькая негритянка с большими влюбленными глазами наверняка была первой помощницей старого морского волка, выброшенного на берег. Я заметил в большой комнате швейную машинку. Должно быть, она сама сшила и скроила те короткие платица, которые так ладно сидят на ней. Неплохо. Зато Шарло реже приходится оплачивать счета портнихи!

Да, если он не уехал в город, значит не был уверен в себе. А здесь эта приятная, в сущности, жизнь не ставит перед ним никаких проблем. Ты большой

человек, Шарло! Наглядный пример того, что может выйти из мошенника. С чем и поздравляю! Поздравляю также и тех, кто помог тебе не только перемениться, но и изменить взгляд на жизнь: показать, какой она может быть или какой ей следует быть.

И все же венесуэльцы с их радушием опасны. Им только дай, так опутают тебя сердечностью, доброжелательностью, что и глазом не успеешь моргнуть, как превратишься в пленника! Я свободен, свободен, свободен и хочу навсегда остаться таким!

Берегись, Папи! Не будь дураком, не обзаводись хозяйством, не строй семейный очаг! Тебе хочется любви, ты был надолго лишен ее. К счастью, ты уже спустил первые пары в Джорджтауне. Индианка Индара — еще и двух лет не прошло! С этой точки зрения ты менее уязвим, чем если бы тебе пришлось попасть сюда прямо с французской каторги, как это произошло с Шарло. Как бы ни прекрасна была Индара и как бы ни был ты счастлив с ней, это тебя не остановило. И ты бежал из Джорджтауна. Тебе не захотелось жить припеваючи и кататься как сыр в масле. Спокойная жизнь? Это не для тебя. Пусть даже счастливая. И ты это прекрасно знаешь.

Приключения. Приключения. Вот моя стихия! В них я живу и дышу полной грудью. Отчасти поэтому я и рванул из Джорджтауна и оказался в Эль-Дорадо. А сегодня я здесь по той же самой причине.

Ну и хорошо. Девушки здесь прекрасные, горячие и обворожительные. Жить без любви невозможно. Без

нее никак не обойтись. Только надо избегать осложнений. Я должен дать себе слово прожить здесь один год, это моя обязанность. А там... Меньше привяжешься — легче вырваться из колдовских чар этого народа. Да, я авантюрист. Однако и во мне произошли некоторые перемены. Я должен зарабатывать деньги честным трудом и никому не причинять зла. Моя конечная цель — Париж. Настанет день — я предъявлю счет тем, кто виновен в моих страданиях.

Очень довольный, я проводил глазами луну, заходящую за девственный лес — море темных вершин, словно застывших в неподвижности. Вернувшись в комнату, я растянулся на просторной кровати.

Париж! Париж! Как ты далек от меня! Но недалек тот день, когда я снова войду в мой город и пройду по его улицам.

---

¹ Французы (*исп.*).

² Прощайте! (*исп.*)

³ Деревеньки (*исп.*).

⁴ Кукурузные лепешки с разнообразными начинками, готовят как в Венесуэле, так и в Колумбии (*исп.*).

⁵ Добрый день, молодые люди! (*исп.*)

⁶ Esmeralda (*исп.*) — изумруд.

⁷ Мир людям! (*исп.*)

⁸ Трус (*исп.*).

⁹ Молодая негритянка (*исп.*).

¹⁰ Гомес Хуан Висенте (1857–1935) — президент Венесуэлы в

1908–1915, 1922–1929 и 1931–1935 годах. — *Примеч. переводчика.*

Глава вторая

РУДНИК

Через неделю, благодаря рекомендательному письму Проспери, бакалейщика-корсиканца, я устроился на рудник «Ла Мокупия». Следил за работой насосов, откачивающих воду из штолен.

Рудник напоминал угольную шахту. Те же штольни и штреки под землей. Золотые жилы не встречались. Самородки тоже попадались нечасто. Драгоценный металл был сокрыт в твердой горной породе. Ее взрывали динамитом. Большие глыбы разбивали кувалдами. Мерные куски породы загружали в тележки, которые с помощью подъемников подавались на поверхность. Затем порода обрабатывалась в дробилках и превращалась в порошок мельче речного песка. Порошок смешивали с водой и получали текучую массу, которая закачивалась насосами в огромные баки, не уступающие по величине резервуарам на нефтеперерабатывающих заводах. В баки добавлялся цианид. Золото растворялось, образуя более тяжелую суспензию, и осаждалось на дне. Затем жидкий осадок подвергали нагреву, в результате чего цианид испарялся, а выпавшие золотые крупинки задерживались гребенками фильтров. Эти фильтры — точная копия расчесок для волос. Золотой песок собирался и переплавлялся в слитки. Качество получаемого таким образом золота строго контролировалось, проба на чистоту должна была

соответствовать двадцати четырем каратам. Слитки отправлялись на склад, где они находились под строгой охраной. Кто же их охранял? Я долго не мог прийти в себя! Не кто иной, как бывший каторжник Симон, напарник Большого Шарло по побегу.

После работы я решил поглазеть на это чудо: отправился на склад и не поверил своим глазам. Внушительный штабель золотых слитков был аккуратно выложен заботливыми руками Симона. А само хранилище какое-то несерьезное: простая камера из бетона, никакой спецарматуры, стены не толще обычных, деревянная дверь.

— Как дела, Симон?

— Порядок. А твои как, Папи? Хорошо тебе у Шарло?

— Не то слово.

— Я не знал, что ты в Эль-Дорадо, а то постарался бы вызволить тебя оттуда.

— Спасибо на добром слове. Скажи-ка, ты нашел здесь свое счастье?

— Видишь ли, у меня здесь дом. Не такой большой, как у Шарло, но кирпичный. Сам построил. Молодая ласковая жена. Две дочурки. Когда захочешь, приходи к нам. Мой дом — твой дом. Шарло сказал мне, что твой друг болен. Моя жена умеет делать уколы. Если надо, обращайся без всякого стеснения.

Мы разговорились. Симон был безумно счастлив. Не вспомнил и не заикнулся ни о Франции, ни о Монмартре, где он, кстати, долго жил. Совсем как Шарло! Прошрое для него не существовало — только

настоящее: жена, дом, дети. Зарабатывал он двадцать боливаров в день. Хорошо, что куры неслись, — омлет всегда на столе. Выводились цыплята — опять же мясо на кухне и доход от продажи. А просто так, на двадцать боливаров в день, Симон, конечно, далеко бы не уехал. Да еще с семьей!

Я уставился на эту грудку золота, так небрежно хранящуюся за деревянной дверью и четырьмя стенами толщиной тридцать сантиметров. Пару раз подцепить ее фомкой — и дверь бесшумно откроется. Золотишко нынче по три с половиной боливара за грамм, или тридцать пять долларов за унцию. Его тут прилично: потянет на три с половиной миллиона боливаров, или миллион долларов. Фантастическое богатство! Стоит только протянуть руку! Спереть его как дважды два — просто детская забава.

— Хороша поленница! А слитки-то как уложены — красота, да и только! Правда, Папийон?

— Лучше бы ее развалить да хорошенько припрятать. Богатство несметное!

— Может, и так, но золото не наше. Оно священо, потому что мне его доверили.

— Доверили тебе, но не мне. Веришь, просто руки чешутся, когда видишь такую гору. Лежит себе без присмотра.

— Не без присмотра — я ее охраняю.

— Может быть. Но ты же здесь не круглые сутки?

— Нет, только с шести вечера до шести утра. А днем другой сторож. Да ты должен его знать: это Александр, что проходил по делу о фальшивых

почтовых переводах.

— А! Знаю. Ладно. Пойду. Пока, Симон. Привет семье.

— Ты наведишь нас?

— С удовольствием. Чао!

И я быстро ушел, вернее, убежал прочь от этого места. Прочь от соблазна. Невероятно! Тут хочешь не хочешь, а украдешь! В администрации рудника сидят какие-то чудаки. Плохо, ох плохо лежит золотишко! Просто диву даешься, как оно еще лежит. Такое сокровище — и под охраной двух первоклассных мошенников! Да уж, чего только не посмотрелся на своем веку, а такого не видел!

Я не спеша поднимался вверх по извилистой тропинке, ведущей к деревне. «Замок» Шарло стоял в самом конце тропинки. Я плелся нога за ногу. День был тяжелый: восемь часов, да во второй штольне даже при работающих вентиляторах воздуха не хватало. Влажно и душно. Раза три или четыре останавливались насосы. Пришлось переналаживать и вновь запускать. Сейчас полдевятого, а под землю я спустился в полдень. Заработал восемнадцать боливаров. Для простого трудяги совсем неплохо. Килограмм мяса стоит два с полтиной, кофе — два боливара, сахар — семьдесят сентимо. Недороги и овощи, рис — полболивара за кило, столько же фасоль. Прожить можно, и довольно дешево. Все это так. Но хватит ли у меня ума принять такую жизнь?

И вот, взбираясь по каменистой тропинке без всякого труда благодаря подбитым гвоздями

ботинкам, полученным на руднике, я, хоть и старался не думать об этом, вновь видел миллион долларов в золотых слитках, который так и просится в руки какого-нибудь смельчака. Застать Симона врасплох — пара пустяков, особенно ночью. Подойти сзади и угостить хлороформом, чтобы не узнал тебя. И дело в шляпе. Безответственность и халатность администрации потрясающи: Симону оставляют даже ключ от хранилища, чтоб он мог там укрыться, если пойдет дождь. Верх идиотизма! Остается только вывезти двести слитков с рудника. Подогнать грузовик или телегу — в общем, что попадетсЯ. Надо заранее подготовить в лесу вдоль дороги несколько тайников. Слитки можно будет спрятать партиями — скажем, в каждом тайнике по сто килограммов. Если подвернется грузовик, то после разгрузки можно отогнать его подальше к реке, где поглубже, да и пустить на дно. А если телега? В деревне телег полно. С лошадьЮ, правда, труднее, но и ее найти можно. С восьми вечера до шести утра, да если ночка выдастсЯ с проливным дождем, дело можно будет провернуть запросто, еще и вернуться домой и завалиться спать как ни в чем не бывало.

С мыслями о том, как я, обтяпав дельце, уже тихо скользнул под простыню на широкой кровати Шарло, я незаметно для себя очутился на освещенной огнями деревенской площади.

— Buenos noches, Francés¹¹, — приветствовала меня группа мужчин из бара.

— Добрый вечер. И всем спокойной ночи.

— Посиди с нами немного. Выпей холодненького пивка, сделай милость.

Отказаться было бы невежливо. Я принял приглашение. И вот я уже сидел среди этих добрых людей, в основном шахтеров. Они хотели знать, как я живу, нашел ли себе жену, хорошо ли Кончита ухаживает за Пиколино, не нуждаюсь ли в деньгах на лекарства и прочие расходы. Эти великодушные и неожиданные предложения постепенно возвращали меня к действительности. Один старатель предложил мне, если я пожелаю, отправиться с ним. Ну это в том случае, если мне не нравится рудник и я не хочу там работать.

— Будет потяжелей, но и заработаем больше. И потом есть шанс разбогатеть за один день.

Я поблагодарил их всех и собрался выставить ответное угощение.

— Нет, француз, ты наш гость. Как-нибудь после, когда станешь богачом. Храни тебя Господь!

И вот я снова шагал по дороге к «замку». Да, легко стать честным и скромным среди этих людей, которые довольствуются малым, счастливы без видимой причины, принимают человека, не интересуясь, кто он и откуда.

Дома меня встретила Кончита. Она была одна. Шарло работал на руднике. Когда я уходил оттуда, он как раз пришел. Кончита — само веселье и доброта. Она подала мне тапочки, чтобы ноги отдохнули от тяжелых ботинок.

— Твой друг спит. Он хорошо поел. А я написала

письмо в больницу с просьбой принять его и отнесла на почту. Больница совсем недалеко от нашей деревни — в небольшом городке Тумерено.

Я поблагодарил ее и принялся за дожидавшийся меня горячий ужин. Кончита ухаживала за мной просто и весело, по-семейному, и это снимало внутреннее напряжение, оставшееся от соблазнительной тонны золота, и настраивало меня на спокойный лад. Открылась дверь.

— Всем добрый вечер!

В комнату непринужденно вошли две молодые девушки.

— Добрый вечер, — ответила Кончита. — Папийон, это мои подруги.

Одна из них оказалась высокой и стройной брюнеткой по имени Грасьела. У нее была ярко выраженная цыганская внешность. Другую звали Мерседес. Ее дед был немец, потому и кожа у нее белая, а волосы белокурые и очень тонкие. У Грасьелы были черные глаза андалузки со жгучим блеском тропиков, а у Мерседес — зеленые, вдруг напомнившие мне о Лали, индианке из племени гуахира. Лали... Что стало с Лали и ее сестрой Заремой? Не попытаться ли разыскать их, раз я вернулся в Венесуэлу? Сейчас тысяча девятьсот сорок пятый год, с тех пор прошло двенадцать лет. События тех дней отошли в прошлое, но при мысли о двух прелестных созданиях сердце сжимается от боли. Много воды утекло... В их жизни наверняка произошли перемены. Честно говоря, я не имею права

вносить сумятицу в их новую жизнь.

— Твои подруги прелесть, Кончита! Спасибо, что познакомила.

Я понимал, что обе девушки свободны и ни с кем не помолвлены. Вечер в приятной компании пролетел незаметно. Мы с Кончитой проводили их до конца деревни, и всю дорогу они висели у меня на руках. На обратном пути Кончита сообщила, что я понравился и той и другой.

— А тебе какая нравится? — поинтересовалась она.

— Обе очаровательны, Кончита, но я не хочу никаких осложнений.

— Ты называешь это осложнением? Заниматься любовью — все равно что есть и пить. А ты можешь жить так, чтобы не пить и не есть? Я, когда не занимаюсь любовью, хожу совершенно больная, хотя мне уже двадцать два. А каково им в шестнадцать и семнадцать? Если их лишит этой радости, они умрут.

— А как отнесутся к этому их родители?

Тут она пересказала мне все то, о чем говорил Хосе: девушки ее страны любят быть любимыми. Не раздумывая, они без остатка отдаются тому мужчине, который им нравится. И не требуют взамен ничего, кроме экстаза любви.

— Понимаю тебя, милая Кончита. Я, как и любой мужчина, не прочь поиграть в любовь. Только предупреди своих подруг, что эта игра ни к чему меня не обязывает. Главное — предупредить, а там их дело.

Боже, нелегко вырваться из такой среды! Шарло,

Симон, Александр и многие другие были буквально очарованы ею. Теперь я понимаю, почему они до самозабвения счастливы среди этого веселого и щедрого народа, так не похожего на наш. С этими мыслями я отправился спать.

— Вставай, Папи, уже десять часов! К тебе пришли.

— Доброе утро, мсье.

Человек лет пятидесяти с пробивающейся в волосах сединой, без головного убора, с открытым взглядом больших глаз, над которыми нависают густые брови, протянул мне руку.

— Я доктор Бугра¹². Пришел сюда, узнав, что один из вас болен. Я видел вашего друга. Ему смогут помочь только в госпитале в Каракасе. Будет трудно его вылечить.

— Давайте перекусим, доктор, — предложил Шарло.

— С удовольствием. Благодарю.

Подали вино. Отпивая небольшими глотками из своего стакана, Бугра обратился ко мне:

— Что расскажешь о себе, Папийон?

— Да что сказать, доктор? Делаю первые шаги. Словно новорожденный. Вернее, будто сбитый с толку подросток. Я совершенно не представляю себе, какой дорогой идти.

— Дорога простая. Посмотри хорошенько вокруг себя — и увидишь. За исключением одного-двух человек, все наши старые товарищи выбрали правильный путь. Я в Венесуэле с двадцать восьмого

года. И никто из бывших моих знакомых каторжников не совершил здесь ни одного преступления. Почти все женаты, имеют детей, живут честно и приняты обществом. Забыли свое прошлое настолько, что некоторые не смогут тебе толком рассказать, за что именно их осудили. Прошлое для них смутно, осталось далеко позади, похоронено в дымке былого. Словом, быльем поросло и плевать на него.

— Со мной несколько иначе, доктор. Кое-кто мне крепко задолжал. Список должников довольно длинный. Упрятать в тюрьму невиновного! Тринадцать лет борьбы и страданий! А чтобы получить по счету, мне надо вернуться во Францию. Для этого потребуются большие деньги. Простому рабочему не собрать такой суммы, чтобы хватило съездить туда и обратно. И еще неизвестно, вернешься ли назад. Само собой разумеется, исполнение задуманного тоже потребует расходов. Да и потом, закончить свои дни в какой-то забытой Богом дыре?.. Меня привлекает Каракас.

— Думаешь, среди нас ты один такой, у кого имеются счета? Послушай-ка, я расскажу тебе об одном парне, которого знаю. Его звали Жорж Дюбуа. Он рос в трущобах квартала Ла-Виллет. Отец-алкоголик частенько попадал в психлечебницу, когда ему виделись черти. У матери на руках шестеро детей, и от жуткой бедности она шаталась по арабским барам своего квартала. С восьми лет Жожо, так его прозвали, прошел путь от воспитательного до исправительного учреждения. Он начал с воровства фруктов из мелких

лавчонок. Несколько раз попадался. Отсидел два-три срока в патронажных заведениях аббата Ролле, а в двенадцать угодил в исправительный дом жесткого режима. Надо ли тебе говорить, что, оказавшись в четырнадцать лет среди восемнадцатилетних, ему пришлось защищать свою задницу. Поскольку силенок у него не хватало, требовалось обзавестись единственным средством самозащиты — оружием. Удар в живот одному из главарей юных гомиков — и администрация отправила его в самую строгую колонию для неисправимых в Эссе. Представь себе, там он должен был находиться до тех пор, пока ему не исполнится двадцать один год! Короче, он вошел в этот круг в восемь, а в девятнадцать его освободили. Но на руки выдали предписание явиться немедленно на призывной пункт для отправки в один из штрафных батальонов в Африке. С таким прошлым он не имел права служить в регулярных войсках. Сунули ему на дорогу немного денег — и с приветом! На беду, у парня оказалась душа. Сердце еще не успело зачерстветь до конца. На станции ему на глаза попался вагон с табличкой «Париж». И тут словно пружину отпустили. Не раздумывая, он вскочил в поезд и прибыл в Париж. Когда он вышел из здания вокзала, шел дождь. Укрывшись под навесом, парень начал размышлять, как добраться до Ла-Виллет. Под этим же навесом стояла девушка, она тоже пряталась от дождя. В ее взгляде он почувствовал теплоту и участие. Все, что он знал о женщинах, ограничивалось его собственным небольшим опытом с одной

толстушкой, женой старшего надзирателя из Эсса, да байками старших товарищей по исправительному дому. На него никто и никогда не смотрел так, как эта девушка. И они разговорились.

— Откуда приехал?

— Из провинции.

— Ты мне нравишься. Почему бы нам не отправиться в отель? Я буду ласковой, и там тепло.

Жожо разволновался. Девчонка показалась ему очаровательной. Да еще положила свою нежную руку на его руку. Для парня встреча с любовью представлялась потрясающе ярким событием. Девушка была юной и страстной. Устав от любовных утех, они сели на кровати и закурили. Девчонка спросила:

— Ты первый раз спишь с женщиной?

— Да, — признался он.

— Почему так долго ждал?

— Сидел в тюрьме для малолеток.

— Долго?

— Очень долго.

— Я тоже была в приюте. Но бежала оттуда.

— Сколько тебе лет? — спросил Жожо.

— Шестнадцать.

— Из каких мест?

— Из Ла-Виллет.

— Какая улица?

— Улица Руан.

Жожо тоже оттуда. Ему становится страшно от мелькнувшей мысли.

— Как тебя зовут? — вскричал он.

— Жинетта Дюбуа.

Она оказалась его сестрой. Потрясенные, они разрыдались от стыда и горя. Потом каждый рассказал о своих злоключениях. Жинетта и другие сестры вели такую же жизнь, как и он сам: воспитательные дома и исправительные учреждения. Мать только что вышла из лечебницы. Старшая сестра работала в борделе для арабов в Ла-Виллет. Они решили ее навестить.

Только вышли из отеля, как навстречу им попался хряк в полицейской форме.

Он тут же заорал на девчонку:

— Разве я тебе, маленькая сучка, не говорил, чтоб ты не шлялась на моем участке и не приставала к мужчинам? — И полицейский грозно двинулся на них. — На этот раз придется тебя задержать, грязная шлюха!

Жожо не мог этого вынести. После всего, что случилось, парень не ведал, что творил. Он выхватил нож с несколькими лезвиями, купленный им накануне для армейских нужд, и всадил его прямо в грудь стража порядка. Жожо арестовали. Двенадцать «компетентных» присяжных приговорили его к смерти, но президент республики помиловал, и парня отправили на каторгу.

Затем он бежал, Папийон, и живет сейчас в большом портовом городе Кумана. Он сапожник, женат, у него девять детей. Все сыты, обуты, одеты и ходят в школу. А один из старших уже год как учится в университете. Каждый раз, проезжая через Куману, я

заглядываю к нему. Хороший пример, правда? Поверь мне, у него тоже были свои счеты с обществом. Как видишь, Папийон, ты не исключение. У многих из нас имелись причины для мести. Насколько я знаю, никто не покинул эту страну ради сведения счетов. Я верю в тебя, Папийон. Если тебя привлекает Каракас, перебирайся туда. Но я надеюсь, что ты сумеешь влиться в современную жизнь, не оступишься и не попадешь в ловушку.

Бугра ушел уже поздно вечером. Я был взволнован встречей с ним. Почему он произвел на меня такое впечатление? Догадаться не трудно! Все эти первые дни на свободе я встречался с каторжниками, счастливыми и приспособившимися к новым условиям. Но в их жизни не было ничего необычного. Они довольствовались своим скромным уделом рабочего или крестьянина. Бугра же был не чета им. Впервые мне встретился бывший зэк. Каторжник, ставший господином. Вот что задело меня за живое. А буду ли господином я? Сумею ли им стать? Для врача это просто. Для меня намного труднее. Но я уверен: придет день, и я тоже стану господином, хотя пока еще не знаю как.

Сидя на скамейке в глубине штольни номер одиннадцать, я наблюдал за работой насосов. Сегодня они не доставляли мне хлопот. Под ритмичное гудение двигателя я повторял про себя слова Бугра: «Я верю в тебя, Папийон! Берегись городских ловушек и соблазнов». В том, что в городе их хватает, нет никаких сомнений. Но трудно сразу переменить образ

мыслей. Доказательства? Не далее как вчера вид золотохранилища меня буквально потряс. Всего две недели на свободе, а я, ослепленный несметным богатством, что так и просится в руки, уже обдумывал план по овладению им. В глубине души я еще не до конца решил оставить в покое эти слитки.

В голове роились бессвязные мысли. «Я верю в тебя, Папийон». Но разве я могу жить жизнью моих товарищей? Не думаю. В конце концов, есть много других способов честно зарабатывать деньги. Я не обязан принимать жизнь в таких узких рамках. Это не для меня. Я могу продолжить авантюрную стезю: заделаюсь старателем — буду искать золото, алмазы... Могу уйти в буш и выйду из него в один прекрасный день с кругленькой суммой, которая обеспечит мне достойное существование.

Чувствую, нелегко будет отклониться от курса на риск и приключения. И все же по здравом размышлении, несмотря на весь соблазн, исходящий от этой груды золота, ты не должен так поступать, не можешь и не имеешь права. Миллион долларов... Папи, и ты еще сомневаешься? Дело-то в шляпе! Все как на блюдечке — должно выгореть. Дело-то уже сделано, еще и не начавшись. И не может сорваться. Да! Вот это соблазн! Боже! Они не имеют права совать под нос мошеннику гору золота, почти без присмотра, да еще при этом говорить: «Трогать нельзя». Десятой части хватило бы на осуществление задуманного, включая месть. Всего того, о чем мечтал долгие тысячи часов в подземелье.

В восемь часов клеть подняла меня на поверхность. Я сделал небольшой крюк, чтобы не проходить мимо склада. Чем меньше видишь, тем лучше. Я быстро поднялся вверх по тропинке к дому. Проходя через деревню, я приветствовал всех встречных. Извинялся перед теми, кто хотел меня остановить, под предлогом, что спешу. Кончита ждала меня, такая же черная и веселая, как всегда.

— Все в порядке, Папийон? Шарло сказал, чтобы я угостила тебя вином перед обедом. Он говорит, что у него такое впечатление, будто у тебя не все хорошо... Что случилось, Папи? Ты можешь открыться мне, жене твоего друга. Хочешь, я позову Грасьелу? Или Мерседес, если она тебе больше нравится? Будет неплохо, как ты считаешь?

— Кончита, черная жемчужинка Кальяо, ты чудо. Шарло тебя обожает, и я его понимаю! Может, ты и права. Для душевного равновесия надо, чтобы рядом со мной была женщина.

— Вот это верно. А Шарло думает иначе.

— Что-то не пойму, объясни.

— Я говорю, что тебе нужно, чтобы ты любил и тебя любили. А он говорит, что надо подождать. Не время еще класть тебе девушку в постель. У тебя совсем другое.

— Что — другое?

Она замолчала в нерешительности, но затем выпалила:

— Боюсь, ты расскажешь Шарло. Он влепит мне пару пощечин.